

KIT

Общество
любителей Чтения
Учебных и научных
при Карбинском
Технико-мастерских Института

К ЧИТАТЕЛЯМ.

Библиотека существует для читателей, и книги ее составляют общественную собственность.

Каждый читатель заинтересован в том, чтобы получить исправную книгу; поэтому он должен заботиться о сохранении библиотечн. книг в целости и исправности.

Ю. Н. 1297
БЕРЕГИ КНИГУ!

- Книга—лучший друг человека
- Не перегибай книгу во время чтения.
- Не загибай углов.
- Не делай надписей на книге.
- Не мусоль пальца перелистывая книгу.

При утере и порче книги читатель обязан уплатить ее стоимость.

2017

Следует мыть руки перед тем, как браться за книгу, чтобы грязные пальцы не оставляли следов. Уважайте и любите книгу—друга человека.

Правление О.ва.

323.2

K17-1

R

каждого
своего

310.

11 2 1

11

21

И. КАЛИНИН

9(c)2
K17

323.2
K17-1

5309

~~8222~~

ПОД ЗНАМЕНОМ ВРАНГЕЛЯ

~~1001~~

ЗАМЕТКИ БЫВШЕГО
ВОЕННОГО ПРОКУРОРА

Фонд редких
книг

- 878 -

Читинская областная
БИБЛИОТЕКА
им. А. С. Пушкина

0-во Библиотеки-Читальни
Рабочих и Служащих Главных
Харьковских Мастерских Кия,
Вост. жел. дор.

Читинская обл. Центр. Библиотека
Отд. _____ Номер _____
Инвентар № _____

1962

1981/84

2012
№ 59

1996

21985
21987

2002

2

2007

9(c)22

K17

ПЕРЕПЛЕТ ВОЗОБНОВЛЕН

4 АВГ. 1928

~~1001~~

5309

~~8222~~ 17

I.

После новороссийской катастрофы.

Остатки разбитых и сброшенных в Черное море армий ген. Деникина нашли себе временное убежище под благодатным небом Крымского полуострова, который с моря защищал от Красной Армии небольшой отряд ген. Слащева.

— Крым нам нужно держать в своих руках во что бы то ни стало. Пусть это будет незначительный клочок земли, но здесь должна тлеть антибольшевистская искра,—говорил мне еще в конце февраля 1920 года, в Екатеринодаре бывший глава архангельского правительства Н. В. Чайковский, занимавший тогда у Деникина пост министра без портфеля.

— Крым делается нашей Вандеей, — гордо заявляла газета известного монархиста Шульгина «Великая Россия», благополучно начавшая выходить в Севастополе после небольшого перерыва.

— Из Крыма мы еще раздуем кадило на всю Россию... Мы еще покажем себя, еще повоюем!—шумели многочисленные безработные администраторы и тыловые герои, уцелевшие от новороссийского разгрома.

Для подобного ликования решительно не было никаких оснований.

Древнее владение Гиреев менее всего могло сыграть ту роль, которую возлагали на него современные толстосумы Минины и князя Пожарские. Разноплеменное, разноязычное население полуострова совершенно не понимало «национальных» задач спасателей отечества. Ставка на крестьянина, которую обычно делали белые вожди и которая неукоснительно вела к проигрышу, в благословенной Тавриде также заранее была обречена на неудачу. Татары, самый консервативный и в то же время самый мирный по своей натуре народ, не имели ни малейшей склонности воевать, вполне убежденные в том, что никакой режим не уменьшит и не увеличит их горных пастбищ. Немцы-колонисты являлись по преимуществу кулацким элементом; всякий же кулак любит защищать свое драгоценное

добро чужими, но отнюдь не своими силами. Северные уезды Таврической губернии—Мелитопольский, Днепровский и Бердянский,—где преобладало русское население, находились в руках врага и пребывали в полном покое после того, как Красная армия прогнала отсюда и белых и шайки Махно.

Для нового наступления или для продолжительной обороны приходилось искать источники внутри «бутылки», в которой оказались остатки южно-русской белогвардейщины. А такие источники отсутствовали. Ясно было, что в самом непродолжительном времени наступит крах. Итти вперед—не с кем, а отсиживаться—не с чем. Полуостров будет очень быстро об'еден войсками, которые, наконец, начнут пухнуть с голоду и задохнутся в крымской бутылке.

От новороссийского погрома более всего уцелело того самого элемента, который безвозвратно губил дело белых вождей. Спаслись решительно все политические деятели решительно всех мастей и оттенков,—а этим последним в антибольшевистском стане не было числа. Бешеная междоусобная борьба этих политиков и политика-нов—отчасти общероссийского масштаба, а частью выросших в казачьих кругах и радах—не могла не перенестись с Кубани и Дона в Тавриду.

Казачество никогда не ладило с Добровольческой армией. Казачьи государственные образования—Дон, Кубань, Терек,—имели демократическое устройство и потому были сугубо противны руководителям политики главного командования—скрытым реакционерам. Ни для кого не составляло тайны, что за спиной «внепартийной» Добровольческой армии, во главе с Деникиным, стояла старая Россия, весь мир царской бюрократии, жаждущей своих прежних постов с десятитысячными окладами, и «первенствующее сословие», мечтавшее о возвращении в свои прадедовские усадьбы. Все они ненавидели казачьи политических деятелей, считая их неучами, деревенщиной, сепаратистами, полубольшевиками. Вторые, в свою очередь не жалели крепких слов по адресу своих противников, которых в насмешку титуловали «единонеделимцами».

Борьба с общим врагом, Советской властью, много теряла от этой постоянной грызни, так как счеты политических бойцов находили неизбежное болезненное отражение в сердцах бойцов на фронте. В июле 1919 года добровольческие реакционеры убили председателя Кубанской рады Н. С. Рябовола. В ответ на это кубанские самостоятели прикончили яростного сторонника «Единой и Неделимой», председателя кубанского военного суда В. Я. Лукина. В ноябре деникинские генералы барон Врангель и Покровский повесили в Екатеринодаре члена той же рады Калабухова.

Декабрьское поражение несколько примирило обе политические группировки юга России. После долгих переговоров и многих скандалов образовалось об'единенное южно-русское правительство с очень пестрым составом. Председателем его Деникин назначил старого цар-

ского чиновника, члена Новочеркасской судебной палаты Н. М. Мельникова, который, вместе с тем, являлся главой и донского правительства. Портфель министра земледелия получил П. М. Агеев, казакман эс-эровского толка;—иностранных дел—ген. Н. Н. Баратов, осетин по национальности, беспартийный; военных—ген. А. К. Кельчевский—беспартийный. Старый революционер Н. В. Чайковский вошел в это правительство министром без портфеля.

Но всем этим господам уже нечем было управлять. «Южно-русское правительство» умерло почти в день своего рождения. Ко времени переброски в Крым для каждой политической группировки опять представлялась полная свобода действий. К тому же, теперь существовали новые поводы для обострения вражды между этими двумя совершенно разнородными группами.

Штаб Деникина в Новороссийске позаботился о погрузке решительно всех, кроме казаков. Горечь этой обиды теперь давала о себе знать в каждом казачьем сердце. Казачьим политикам этот пример явного предательства со стороны главного командования доставил обильную пищу для новых выпадов против Деникина и его политической теории.

Крым, по словам одного приказа главнокомандующего, окружалось с трех сторон море, с четвертой — непроходимая красноармейская стена. Но и в этом крошечном, замкнутом пространстве, почти в осажденной крепости, как некогда в Иерусалиме, обложенном Веспасианом, кипели политические страсти, бушевали оскорбленные самолюбия, сводились старые и новые счеты, так что после хлопот о насыщении желудка главнейшая забота сливок белого стана сосредоточивалась на мщении своим политическим врагам. Холодная черноморская ванна, предпринятая по предписанию такого медика, как тов. Буденный, не принесла особой пользы разгоряченным головам, совершенно позабывшим, что Таврическая губерния не Таврический дворец.

В войсковых частях дело обстояло не лучше.

От многолюдных деникинских армий в Крым перекочевали только жалкие обрывки, из которых впоследствии удалось сформировать четыре худосочных корпуса. Не одна новороссийская катастрофа была повинна в обезлюдении белых полчищ. Знаменитая «Добровольная»,—Добровольческая армия Деникина, — обладала свойством губки быстро разбухать и еще быстрее сжиматься. Ее кадр составляли «первоходники», корниловский сброд, по преимуществу выбитая из колеи жизни молодежь, смотревшая на гражданскую войну как на источник дохода, а на боевую работу—как на ремесло. В период своих успехов летом 1919 года эти кадры, с помощью насильственных мобилизаций, превратились в четыре многолюдных дивизии, не говоря о многочисленных новых формированиях. Но после бегства от Орла начался обратный процесс. Все мобилизованные—крестьяне и пленные красноармейцы,—разумеется, разбежались. Растаявшая

Добрармия еще на Кубани была сведена в один корпус ген. Кутепова, впоследствии стяжавшего себе, под прозвищем «Инжир-Паша», такую страшную славу на Балканах.

Донских казаков безжалостно бросили на черноморском побережье. Только незначительное число их, уже в апреле, удалось перевезти в Крым из Туапсе и портов Грузии. По словам сложившейся в момент эвакуации песенки, в Новороссийске власти

Погрузили всех сестер.
Дали место санитарам,—
Офицеров, казаков
Побросали комиссарам.

Вечно блуждавшие между красным и белым знаменем кубанцы капитулировали на побережье, впрочем только для того, чтобы скоро снова подняться против Советской власти под начальством полковника Фостикова. Из кубанцев одни только шукуринские отряды, запятнавшие себя неслыханными грабежами, необычными даже для Добрармии, сочли за лучшее перебраться в Крым. Впрочем, в состав их входило не столько кубанцев, сколько обитателей Кавказских гор.

Так как Деникин в Новороссийске все свои усилия направил на то, чтобы заблаговременно обеспечить перевозочными средствами только кутеповский корпус, то последний явился в Крым с достаточной боевой готовностью и без замедления был двинут на Перекоп, где Слащеву приходилось весьма туго. Все остальное деникинское воинство теперь представляло из себя рассыпанную хранину, шайку вшивых, тифозных, изголодавшихся людей, которым требовалось продолжительное больничное и курортное лечение, но отнюдь не боевая работа.

Особенно жалкий вид имели донцы.

Атаман «Всевеликого Войска Донского» ген. А. П. Богаевский, разумеется, переехал в Севастополь в весьма не плохих условиях на английском судне «Барон Бек», вывезя с собой громадное количество денежных знаков и всевозможной своей челяди, которую он то и дело повышал в чинах,—благо это ему ничего не стоило.

Но строевым казакам и офицерам пришлось хватить много горя во время их странствований по черноморскому побережью, а затем при переезде в Крым, где для размещения остатков Донской армии отвели г. Евпаторию с уездом.

Вскоре маленький курортный городок стал неузнаваем.

На улицах замелькали ярко-красные лампы и околыши шапок тех счастливых, которые в период бегства не растрясали своих переметных сум и не заразились тифом. Несчастливцы же,—грязные, оборванные, потерявшие не только воинский, но и человеческий облик—свезенные на лодках с пароходов, целыми днями валялись на загаженных пристанях, не имея силы подняться на ноги. Более здоровые из них уползали на главную улицу, которая проходила возле пристаней, и загромождали тротуары.

— Станичник ¹, какого полка будешь?

Землистое, редкой вытянутое лицо неподвижно. Воспаленные, провалившиеся глаза задумчиво рассматривают небо, которое хмурится при виде столь жалкого созерцателя.

— Мы—мамонтовцы, — отвечает за больного сосед, у которого хватает силы не только говорить, но и сбрасывать со своего дырявого чекменя ² отвратительных «танок», серых паразитов.

Мамонтовцы!

Память с быстротой молнии охватывает все, что связано с этим именем. Дерзки-смелый, нагло-грабительский набег лучшей донской конницы под командой лучшего донского генерала. Ослепительный «успех», фейерверк афиш о бесчисленных «взятых» городах, о десятках тысяч пленных, блистательный триумф и золотая сабля усатому герою. А затем—обычная судьба. Шумные пиры. Разбрасывание награбленных денег.—«Почем арбуз?»—«Пятнадцать рублей». —«На двести, знай мамонтовцев!» В результате—беспардонное разложение под влиянием обильной добычи, гибель конского состава, изнуренного рейдом, смерть вождя от тифа, губительный переход по задонским степям в лютый мороз наперерез Буденному, напавшему на Тихорецкую. И в качестве заключительного аккорда—голод и холод на евпаторийской мостовой.

— Неужели все в таком виде ваши мамонтовцы?

— Кто здоров, тому полбеда. Только мало спаслось нашей братвы. Кто попал к красным, кто ушел к зеленым, немногие добрались до Грузии. Нас, тифозных, побросали в этой самой Туапсе. Думали—пропадем. Ой, что творилось! Отдай все — не хочу другой раз видеть. Мы хоть больные, но как-никак—войско, нас грузили. А что делалось с калмыками—беда.

Калмыки ³, по дикому приказу донского правительства, в декабре 1919 года, ввиду наступления красных, снялись со своих мест со всем своим скарбом, скотом, женами, детьми и двинулись на Кубань на манер своих предков монголов.

— Сколько ни пропадали «солнышки» ⁴ в дороге, до Туапсе тоже добралось их немало. Перли на пароход почем зря. Их в нагайки, они режут белую. «Матер-чорт,—кричат офицерам,—ты погоны снял, и кто тебя знает, а мой—кадетский морда, всякий большак видит». Куды тут! Мало кто пролез за своими зюнгарами ⁵. Когда отчали-

¹ Так обращаются друг к другу незнакомые казаки. Иногда, вместо этого слова, говорят просто—«станица».

² Чекмень—долгополый мундир, в роде кафтана, из синего сукна.

³ Эти инородцы при царском правительстве были приписаны к казачьему сословию, получили земли и начали вести оседлый образ жизни. В Донской области они заселяют Сальский округ, центр которого—станица Великокняжеская.

⁴ Шуточное прозвище калмыков за их круглые лица.

⁵ Донские калмыки в гражданскую войну комплектовали полк, называвшийся Зюнгарским.

вали от мола, иные калмычата швыряли о камень своих детишек, а сами бросались в воду. Вот дурные! Жалко подсолнухов ¹! Мало их доберется до Крыма.

— Сколько же дней вы без еды?

— Пятые сутки крохи во рту не было. Да и по берегу пока брели, не густо разживались. Крестьян еще до нас об'ели, как саранча, нивы. Теперь там хоть шаром покати. Голод будет. Хотелось бы горячего, борща, что ли...

Здесь, на панели, люди почти умирали с голоду, а тут же, в двух шагах, в ресторане «Европа», шел пир горой, и бойкие лакеи-татары едва успевали принимать заказы на самые изысканные кушанья и дорогие вина.

Катастрофа многих разорила, но многие и поживились. Из тех, кто грузился в Новороссийске, одни все оставили на пристани. Другие не только вывезли свое добро, но успели кое-что подцепить и из английских складов. У ловкачей, особенно из числа юнкеров Донского военного училища, охранявших в Новороссийске погрузку вышших донских начальников, сумки рвались от английских брюк, френчей, белья. На евпаторийских базарах немедленно началась спешная реализация новороссийской добычи. Иные, наоборот, от нужды продавали последние сапоги. Должностные лица, имевшие на руках казенные суммы, без стеснения распоряжались ими, как своими собственными. В случае призыва к ответу оправдание простое:

— Все пропало на Кубани, отбили зеленые.

Или:

— Все осталось в Новороссийске, не успели погрузить.

Пропаж денег оказалось великое множество, а отчетность, конечно, пропала везде. Помню, 11 марта ², во время нападения зеленых на станицу Абинскую, началась паника. Когда нападение было отбито и дорога освободилась, я поехал по станице, направляясь далее на запад. Возле одной хаты, где хохлушка угостила меня куском хлеба, стояла двуколка, заваленная бумагами.

— Охвицери були. Як зашумели гармати, втикли на бричках. А це бросили. Це, кажуть, барахло, не треба нам.

Я поинтересовался бумагами.

«Денежная приходо-расходная книга 34 Екатерининского полка», — гласил верхний фолиант.

— Без слов все понятно, — подумал я.

Чтобы обнаружить, в каких случаях деньги и отчетность были брошены по злему умыслу и в каких в силу необходимости, донской атаман образовал особую комиссию под председательством ген. Ситникова. Эта комиссия «для расследования дел об утратах казенных ценностей при эвакуации в Крым» работала все лето; штат ее распух

¹ Шуточное прозвище калмыков.

² По старому стилю, как и все последующие даты.

до значительных размеров; в конце концов, не посадив никого на скамью подсудимых, она закончила свое бесславное существование тем, что при очередной эвакуации из Крыма в ноябре сама утратила все свои следственные дела.

Но не все успели поживиться в Новороссийске от щедрот доброго дяди, английского короля, и не у всех любителей легкой наживы находились в распоряжении казенные суммы. А хорошо поесть и выпить хотелось большинству, особенно после стольких мытарств, голода или сухоедения.

В селах Евпаторийского уезда начались неизбежные в таких случаях грабежи, которые иногда принимали полулегальный характер и деликатно назывались «реквизициями».

«Белые войска, расположенные в г. Евпатории и ее окрестностях, заняли все дачи, повыгоняли хозяев, порубили деревья и заборы, убивают людей и хозяйничают, как в завоеванной стране», — писала одна одесская советская газета, номер которой неизвестными путями попал в Крым.

Газета почти не ошибалась.

Очень скоро целый град жалоб на насилия и хищения посыпался во все инстанции. Одно заявление даже было адресовано симферопольскому архиерею, который, разумеется, не замедлил препроводить его в донской штаб.

• Пили артистически. В вине заливали горечь прошлой неудачи и заглушали гнетущую мысль: «а что же впереди?» Дебоши являлись неизбежными спутниками пьяного угара. В реестрах военно-судебных установлений заблестали самые громкие фамилии донских генералов, обвиняемых, по шуточной военной терминологии, в «пьянстве, буянстве и окаянстве». По установившемуся в белом стане обычаю, дела о таких лицах дальше производства следствия не шли. Общий масштаб не подходил для этих Uebermensch'ей.

• О какой-нибудь дисциплине не могло быть и речи. Начальство и подчиненные смешались в одну гниющую кучу. Более богатый казак поил бедного офицера и наоборот. Строго говоря, в гражданскую войну в строевых казачьих частях настоящих офицеров, т.-е. старых кадровых, почти не существовало.

— У нас все офицеры «химические», — часто говорили в полках.

— А что это значит?

— Произведены на фронте из простых казаков. Где там достанешь настоящие погоны? Вот ему и чертят химическим карандашом звездочки. Иные настоящих погон, из позумента, за всю службу ни разу не носили.

Иногда казаки говорили про «химических» офицеров:

— Какой он офицер? Такой же козуня¹, как и все. Прапорщик от сохи.

¹ Козуня или козя шуточное искажение слова казак.

Караульная служба превратилась в фикцию. Часовые без зазрения совести раскладывали бурки на земле и спали до смены подле своих постов. Такой способ окарауливания казенного добра считался еще невинным нарушением устава гарнизонной службы. Иные просто расхищали то, что поручалось их охране. В это благодатное время неохраемое казенное добро имело больше шансов остаться в целости, чем доверенное караулу.

Видимость дисциплины в Евпатории сохранили только юнкера Донского военного училища, по большей части «иногородние»¹, так как казачата получали военное образование в Атаманском военном училище, которое в Севастополе охраняло от неведомых врагов священную особу донского атамана и его правительство. Эти евпаторийские юнкера были единственной сколько-нибудь реальной силой в руках командующего донской армией. Их берегли и лелеяли, угощали вином и кормили на славу. Сам командарм генерал Сидорин нередко являлся попировать в их среду. Это льстило самолюбию неоперившихся птенцов, а командный состав училища начал высоко задирать нос.

— «Янычарский ага», — титуловали в шутку начальника этого училища ген. Максимова, сколько пустого и недалекого, столько же чванного и высокомерного господина.

Возмечтав о своей силе и значении более чем следовало, он нажил массу врагов, которые пустили слух, что «ага» произведен в генералы не то Нестором Махно, не то Юркой Тютюнником. Это злословие не особенно далеко уходило от истины: в возведении «аги» на офицерский Олимп был повинен третий «хозяин» Украины — гетман Павло Скоропадский.

Училищные офицеры, большей частью перебежчики из Красной армии, лица не казачьего происхождения, следовательно, пришельцы в войске Донском и потому третируемые офицерами-казаками, теперь тоже стали поднимать голову и даже пред'явили требование увеличить им жалование.

— Ведь сила теперь в нас! Что захотим, то и сделаем, — опрометчиво рассуждали эти молодцы.

Однако не прошло и трех-четырех месяцев, как оба донские военные училища соединили, казачий элемент взял в них перевес, и все «иногородние» офицеры были безжалостно выкинуты в резерв, на голодное существование, тем же самым «янычарским агой», который до этого времени скрывал свою казаконию.

¹ Иногородние — лица не казачьего сословия, живущие среди казаков. В Донской и Кубанской областях они составляют немного свыше 50% всего населения.

Донская крамола.

В Евпатории царило отнюдь не воинственное настроение.

В первые дни после прибытия на полуостров, когда злополучные вояки приходили в себя и жили не столько рассудком, сколько инстинктом, о войне почти не разговаривали. В продолжительный период бегства от красных многие уже сроднились с мыслью о том, что рано ли, поздно ли, но наступит роковой миг сдачи. Как ни страшили лапы большевиков, но попасть в них казалось неизбежным результатом проигранной кампании. Голод, холод, паразиты, грязь, изнеможение, тиф, бездомное скитальчество, беспросветное будущее — притупили чувство страха перед красными. В этот первоначальный момент состояние казачества в Евпатории было таково, что, появившись Красная армия под городом, решительно никто не тронулся бы с места и не оказал бы ей никакого сопротивления.

Да и не с чем было сопротивляться, так как лошади, седла, снаряжение, вся артиллерия и даже часть ручного оружия достались красным или грузинам.

Когда же, наконец, начало пробуждаться сознание, мало кто склонялся к мысли о целесообразности дальнейшей войны. Здравомыслящие люди рассуждали:

— В руках белых армий одно время находилось более половины России, а теперь остался один жалкий клочок. Неистощимые материальные средства, свои и иностранные, пошли прахом. Рабочие везде относились к нам враждебно, крестьяне не пошли за нами, так как мы, помимо своей воли, вели за собой помещиков.

Генеральный же наш штаб,

добавляла ходившая по рукам сатира полковника Б. М. Жирова,

Оказался слишком слаб,
И весь план его мудреный
В пух и прах разбил Буденный.
Прихоть, знать, судьбы пестра:
Нас разбили вахмистра.

— Воевать дальше не зачем и не с чем, — таково было общее мнение на первых порах.

Однако, что дальше делать, — никто не знал. Пока же, по старой привычке, казаки ругали всех и вся. Больше всего доставалось представителям Добровольческой армии, которую разделявали на все лады.

— Где же ваш «народ»? У нас здесь сколько казаков-воинов, столько же казаков-беженцев, гражданских лиц. А много ли у вас воронежских, харьковских, курских мужиков? Почему они не пошли за вами, освободители?

— Без вас мы давно помирились бы с большевиками, нашли бы с ними общий язык. А вам, вишь, подай царя да землю панам.

— Пожили на казачьих хлебах два с половиной года... Поотелись... А в Новороссийске о своих только шкурах думали, побросали казаков на произвол судьбы.

— Одно слово—единонеделимцы.

В Евпатории установилось двоевластие. Существовала добровольческая гражданская власть и комендатура, но донцы плохо признавали их.

Бродячее, безземельное «Всевеликое Войско Донское», все еще игравшее в государственность, никак не хотело сознаться в том, что оно состоит на положении бедных родственников в гостях у богатых. За три года самостоятельного существования донское казачество усвоило сепаратистские стремления и не могло от них отрешиться даже теперь, в невольном плену у Доброволии.

Добровольцы здесь считали себя хозяевами и в руготне казачьих сорви-голов видели большую неучтивость. Она неприятно резала слух деникинским администраторам, чинам комендатуры, осважным¹ журналистам и всем тем обитателям города, которые исповедывали «единонеделимческий» символ веры. Ни для кого не составляло тайны, что эпитеты «Единая и Неделимая» Доброволия выставила на своем знамени в пику окраинам и казакам, которые будущее устройство своих областей, после изгнания большевиков, представляли не иначе, как в виде автономных единиц.

К величайшему ужасу евпаторийских ревнителей «Единой и Неделимой», с 24 марта начал издаваться официоз штаба Донской армии, газета «Донской Вестник», принявшая явно враждебный Добровольческой армии тон. Эс-эровским языком она выражала в печати то, что трепали казачьи языки.

— «Гражданская война закончится не порабощением одной области другою, а мирным соглашением всего русского народа. Он прогонит всех захватчиков власти как справа, так и слева»,— писалось в первом номере. Далее развивалась мысль об искажении идеи борьбы с большевиками «примазавшимися к Добровольческой армии безответственными лицами».

В сущности, это была довольно старая волынка. Такие песни раздавались почти на каждом заседании донского круга или кубанской рады. Но в Крыму не привыкли к таким крамольным мыслям, тем более, когда их высказывали бесприютные гости.

Тон статей «Донского Вестника» с каждым номером становился все заносчивее и оскорбительнее. Газета очень зло высмеивала членов Особого Сопещения (деникинского правительства в 1918—1919 г.г.), доведших своей реакционной политикой южно-русские армии до

¹ Осваг — осведомительно-агитационный отдел деникинского правительства, ведавший пропагандой.

развала, а теперь удиравших в Константинополь с туго набитыми чемоданчиками.

— «Они обеспечили себе вольготное житье на европейских курортах, а разделяваться за их грехи придется казачьим спинам».

Больше всего всполошился заведывающий евпаторийским «Пресс-Бюро», т.-е. отделением Освага, Борис Ратимов, редактор местной газеты «Евпаторийский Курьер». Это был типичный осважник, т.-е. журналист, агитатор и контр-разведчик в одном лице, всегда готовый служить тому,

Дает кто деньги и чины
И матерьялу на штаны,

как высмеивала его в стихотворном памфлете «Герой нашего времени» сугубо-черносотенная крымская газета Измайлова «Царь-Колокол» (1920 г. № 5).

До прихода в Крым белых он редактировал советскую газету. Теперь лез из кожи, чтобы выказать себя верноподданным Доброволии. По своей должности, столько же жандармской, сколько и писательской, он, разумеется, не мог равнодушно относиться к выходкам казачьей газеты. К тому же дела его «Курьера» в это время пошатнулись. Казакам его газета была не нужна, так как они привыкли удостаивать своего внимания только те органы печати, которые украшались вывеской «казачья газета», «казачий журнал» и т. д.

Оппозиционные элементы Евпатории, в том числе и рабочие, которым надоел пресмыкавшийся перед Деникиным «Курьер», с жадностью набросились на «Донской Вестник». Хотя рабочие круги далеко не разделяли основных идей этой газеты, но она нравилась своим беспощадно-критическим отношением к Деникину. Наконец и буржуазия интересовалась этой газетой. Как ни успокаивали крымские газеты тамошнее общество, как ни умаляли решающее значение новороссийской катастрофы, именуя ее «несколько беспорядочной эвакуацией армии», но все обыватели идиллически-спокойных уголков крымского побережья чувствовали, что стряслась непоправимая беда. Толпы оборванных донцов говорили далеко не о спешной эвакуации, а о полном разгроме. В «Донском Вестнике» любопытные могли почерпнуть кой-какие сведения о случившемся.

Тираж «Евпаторийского Курьера» пал. Доходы Ратимова быстро пошли на убыль.

Осважник решил сразу убить двух зайцев: уничтожить опасное направление и поднять тираж своей газеты. Набравшись смелости, он отправился в гостиницу «Дюльбер», где помещался штаб Донской армии, добрался до генерал-квартирмейстера Кислова и заявил ему о недопустимости взятого «Донским Вестником» тона.

— Впрочем,—дипломатично добавил он,—все эти резкости я объясняю ничем иным, как просто неопытностью донских журналистов. Ничего нет проще устранить зло. Чем иметь свою дорого стоящую

газету, донской штаб может дать мне некоторую субсидию, и я организирую при своей газете особый казачий отдел.

— Видите ли, это будет не совсем удобно. Вы не казак, а пути и идеология казачества резко расходятся с добровольческими. Как же мы можем ужиться в одной газете? Или вы думаете нас взять под свой контроль?

Осважник смутился.

При выходе из гостиницы он встретил одного крупного донского начальника, ген. Карпова, попробовал было заговорить с ним и начал развивать перед ним мысль о необходимости совместной работы казаков и добровольцев на благо «национальной» России.

— Ваши добровольцы—преторьянцы—отрезал пылкий генерал.— Они выродились в кондотьеров. У них нет никакой связи с народом и никакой почвы под ногами. Нет у них и отечества. Это просто сброд со всей России, деклассированная молодежь. Казаки же плоть от плоти и кровь от крови черноземной силы, и с вами им не по пути.

Взбешенный Ратимов бросился к добровольческому коменданту города ген. Ларионову.

— Да у них там не только самостийность, но и полная измена. Их надо образумить, иначе они вонзят нам нож в спину, — кричал он генералу.

Старый служака, ровным счетом ничего не смысливший в политике, поплелся в «Дюльбер».

— Знаете, того... у вас, говорят, газета левая, — робко высказал он свою мысль начальнику штаба ген.-лейт. Кельчевскому.

— Ах, знаете ли, мы все здесь левые! — полушутя, полусерьезно ответил ему Кельчевский. — Такие уж мы есть, что с нами поделаешь.

Ларионов тоже ушел в страшном смущении.

Прошло еще несколько дней.

Настала Пасха.

Посещая, по обязанностям информационной службы, столовые, кафе и рестораны и прислушиваясь к разговорам, Ратимов, к великому своему ужасу, услышал, что в казачьих кругах весьма определенно трактуют—страшно сказать—вопрос о мире с большевиками. В послепраздничном же номере газеты «Донской Вестник» главный борзописец, член донского войскового круга, полковник генерального штаба Сысой Бородин обсуждал те условия, на которых казаки могут помириться с советской властью:

— Признание казаками этой власти не должно уничтожать автономии казачьих земель. Комиссары должны избираться только из казаков. Разрешение земельного вопроса должно быть предоставлено самому казачеству. Казачьи войсковые части, подчиняясь советскому главнокомандующему, должны существовать на тех же основаниях, как и до сих пор.

Таковы были фантазии политика-генштабиста, предполагавшего диктовать условия мира победителям.

Ратимов забил настоящую тревогу.

— Предательство казаков несомненно. Они хотят заключить сепаратный мир с большевиками — кричал он на всех перекрестках.

Бедный провинциальный журналист не знал, что еще до Пасхи штаб главнокомандующего получил ноту английского правительства с уведомлением, что оно отказывается в дальнейших субсидиях и предлагает свое посредничество для заключения мира с большевиками. Весть об этой ноте, пока известной только верхам, привез в Евпаторию из Севастополя командующий Донской армией ген. Сидорин, который ездил туда на совещание по поводу выбора преемника Деникину. Широкою публике ставка покамест о ноте не оповещала, но военные начальники, а, следовательно, и войска уже определенно обсуждали вопрос о прекращении гражданской войны.

29 марта в Евпаторию прибыл донской атаман ген. Богаевский. На другой день он принял в гостинице «Дюльбер» депутацию от казаков-беженцев (не числящихся в войсковых частях).

«Божья коровка» — такое прозвище носил атаман — на этот раз совсем поджала свои крылья.

Виновно смотрел он, неудачный вождь, на измученные лица бородачей в чекменях. Много прегрешений накопилось у него на душе, и он боялся смотреть прямо в глаза людям, которых столько раз обманывал. 20 декабря 1919 г., в г. Новочеркасске, на который напирал Буденный, он издал велеречивый приказ, в котором заявлял, что останется в стольном городе казачества до последнего момента и покинет его только с войсковым штабом. Не прошло и суток, как атаман укатил в особом, весьма удобном поезде на Кубань, бросив на произвол судьбы и войсковой штаб, и все учреждения, и десятки тысяч беженцев, скопившихся в Новочеркасске.

Потеряв свою территорию, он в начале 1920 года превратился в деникинского приживальщика и не стеснялся своей лакейской роли. В январе, в период переговоров ставки с казачьими правительствами о создании единого государственного организма на юге России, Деникин сделал попытку втереть очки казачеству назначением своего южно-русского правительства, избрав премьером Богаевского. Кубанская рада появление нового премьера встретила свистом.

— Какой позор! И это выборный атаман!... Глава демократически организованной провинции в услужении у главы всероссийской реакции.

Наконец, в Новороссийске атаман проявил изумительную бездеятельность, не стукнув палец о палец для обеспечения казакам перевозочных средств.

Три месяца прошло после бегства из Новочеркаска. Теперь он впервые предстал перед выборными от донского казачества.

— Станичники! Я знаю, что ваше положение тяжелое, — тихо начал атаман, не блиставший ораторскими дарованиями. — Но исполь-

зуйте время вашего скитальчества с возможной пользой, приглядывайтесь, например, как ведут хозяйство здешние немцы-колонисты. От них многому можно научиться. Помните, как наши деды побывали в Отечественную войну с Платовым во Франции и вывезли оттуда под седлами шампанскую лозу, от которой и пошли наши цымянские и раздорские вина.

Хмуρο глядели насупленные глаза «отцов» и «дидков». Дисциплинированные с малолетства, они не смели проронить слова. Но их безмолвие красноречиво говорило:

— Все это не то... Это не ответ на те болезненные, мучительные вопросы, которые раз'едают наши сердца. Не до шампанского и цымянского нам теперь.

Атаман понял, что ему не отделаться не очень-то удачным сравнением положения победоносного донского казачества во Франции в 1813 году с нынешним прозябанием в Крыму.

— Я знаю,—продолжал он,—что все вы стремитесь в свои хутора и станицы. Что же, могу с вами поделиться: о мире идет разговор. Быть может, недалек тот день, когда те из вас, которые найдут для себя возможным жить под Советской властью, вернутся к своим очагам. Ну, а тех, — меланхолично закончил атаман после паузы,—которые захотят разделить свою судьбу с нами, вожжами, ждет тяжелая изгнанническая доля за границей.

Вздых облегчения вырвался из казачьих грудей. Атаман сказал то, что требовалось. Близок мир, — и лучшего ничего не мог он сообщить.

Впоследствии за границей, когда ген. Богаевский так яростно боролся против возвращения казаков в Россию и всех поборников этого направления клеймил изменниками родины и предателями, я неоднократно напоминал ему в печати¹ эту речь, сказанную в моем присутствии. В Крыму атаманово сердце несколько не возмущалось грядущим возвращением казаков в свои хутора и станицы для мирного труда под сенью Советской власти. В этом тогда он не видел «измены казачеству и национальному русскому делу». Стоя в Евпатории лицом к лицу перед казачьими делегатами, он и думать не смел, чтобы убеждать своих подданных в необходимости удирать на вечные века за границу и пугать их большевистскими репрессиями. Такая агитация могла озлобить казаков. Момент для нее был неподходящий. Красные войска стояли не многим более, чем в ста верстах от Евпатории и очень скоро могли достичь до нее. История же казачества знала примеры, когда восставшие казаки мирились с центральным правительством головами своих атаманов.

У Богаевского существовала привычка подлаживаться к подданным усиленным производством простых казаков в офицеры, а офи-

¹ В издававшихся в 1922 г., в Болгарии, газетах «На родину», «Вестник Земледельца» и «Новая Россия».

церов в следующие чины, которые совершенно обесценивались. Даже генеральство утратило свое значение. Многие украсили свои плечи погонями с зигзагами во время обедов, так что их прозвали «обеденными» генералами. Разные администраторы и военные начальники всячески старались затащить к себе атамана на разные торжества и блеснуть хорошей кухней. Расходы на изысканно-вкусные блюда и тончайшие вина, в которых атаман разбирался и охотнее и легче, чем в государственных делах, окупались наградами и повышениями. На сытый желудок атаман щедро жаловал чины. В декабре 1919 года на каком-то обеде в Таганроге он, по неосторожности, облил красным вином китель коменданта города полковника Н. Зубова.

— Ах, простите, ваше превосходительство, я сделал вас красным,—извинился атаман в шуточной форме.

— Я пока еще полковник,—учтиво заметил Зубов.

— Полковник? Я, значит, ошибся. Ну, да ладно, раз уж я назвал вас превосходительством, так и будьте им.

Новый генерал был испечен, как блин.

И теперь в «Дюльбере» атаман не мог воздержаться от своей мании, не мог расстаться с казачьими выборными без того, чтобы не осчастливить их.

— Господа,—обратился он к наиболее почтенным и заслуженным, которых рекомендовал ему окружный атаман Донецкого округа ген. Рудаков, представлявший депутацию.—Я вижу, что вы уже убелены сединой и за свою долгую жизнь немало послужили Тихому Дону. Произвожу вас в хорунжие. А вас,—обратился он к находившемуся тут же окружному атаману 2-го Донского округа полковнику Генералову,—произвожу в генерал-майоры.

— Вот так штука!—пожимали плечами по уходе атамана старичники, на этот раз весьма мало обрадованные высочайшей лаской.—Чего это он натворил? Теперь нас станут считать офицером, и этак много бедыхватишь, когда придут большевики или станешь попадать домой после замирения.

В тот же день атаман рассмотрел большой список полковников, представленных к производству в генералы, и, разумеется, утвердил его. Неслыханная катастрофа постигла белый стан, от стотысячной донской армии остались жалкие клочья, но награды сыпались из рога изобилия. Всякий считал себя героем; повышение одного вызвало зависть и оскорбленное чувство в других. Чинопроизводство давно уже стало игрой в бирюльки, чин превратился в пустой звук, а в Крыму, при последнем издыхании обломков царской армии—в особенности. Тем не менее белый стан никак не мог расстаться с этим, утратившим свой смысл и крайне вредным для дела, фетишем.

— Еще Алпатова надо произвести в генералы,—выкрикивал один из новоиспеченных олимпийцев на пирушке, устроенной ими в этот вечер.

— И Маркова тоже.

— Вношу предложение: Лашенова.

В результате этот своеобразный генеральский митинг отправил в «Дюльбер» к Богаевскому депутата, лихого донского конника, сподвижника Мамонтова, ген. С—ва¹ с ходатайством о добавочном производстве. Атаман, вычеркнув кой-кого из неугодных ему людей, подписал набросанный в ресторане на клочке бумаги приказ. Список белых олимпийцев в этот вечер пополнился еще несколькими «африканскими» генералами, как звали всех, кого производил в этот чин Африкан Богаевский.

Подобным образом забавлялись и самоуслаждались в Евпатории неудачные вожди донских казаков, поборники «национального русского дела», в то самое время, когда все бывшее царское офицерство, находившееся в Советской России, ринулось, по призыву Троцкого, на борьбу с панской Польшей, совершенно забыв и думать об упраздненных чинах.

III.

Лавочка.

Во главе Донской армии с начала 1919 года стоял генерал-лейтенант Владимир Ильич Сидорин.

Этот белый вождь, сохраняя некоторые положительные черты прежнего образованного офицерства, усвоил многие пороки, свойственные новому командному составу, воспитавшемуся в хаосе гражданской войны.

Доступный, любезный, обходительный, он старался всех просителей и обласкать, и обнадежить. В нем совершенно отсутствовала кровожадность Покровского и грабительские замашки Шкуро². В этом отношении он неуязвим. Из среды других генералов, в большинстве случаев бесшабашных черносотенцев, он счастливо выделялся тем, что искренно ненавидел старый режим и не стеснялся высказывать это вслух.

Но этим и исчерпываются его положительные стороны.

Сидорин, как и все казаки-интеллигенты, не имел определенных политических убеждений, исповедуя расплывчатый казакманский символ веры. Ненависть к старому режиму уживалась в нем с сотрудничеством с отъявленными реакционерами, а борьба против последних не шла дальше слов.

Как порождение бурной эпохи и как воплощение раздольной казачьей стихии, он отличался необузданной широтой размаха, не

¹ Как в этом, так и в других случаях, автор не называет полностью фамилии тех лиц, с которыми связан личными отношениями.

² Настоящая фамилия этой бутафорской знаменитости была Шкура, но с 1918 года для благозвучия он стал себя звать Шкуро.

зная препон своим желаниям и только в силу своей воспитанности избегал крайних проявлений своего нрава. В отношении своеволия он вполне роднился с феодалами того времени, Слащевым, Покровским, Шкуро, которые в районе своих армий или корпусов вели себя, как автономные властелины и плохо считались с распоряжениями белых правительств. Шкуро и Покровский доходили до того, что соперничали между собою в перехватывании подкреплений, которые присылались на фронт вовсе не для их корпусов.

Командующий Донской армией имел еще более оснований поглядывать на всех с высоты птичьего полета. По договору, заключенному еще ген. Красновым с Деникиным, Донская армия только в оперативном отношении подчинялась Главнокомандующему вооруженными силами юга России, во всех же прочих отношениях донской командарм считался только с донской властью. Подобное двойное подчинение давало Сидорину основание игнорировать распоряжения и ставки и донского правительства. Он чувствовал себя маленьким царьком и почти не считался с атаманом Богаевским.

Беглый очерк сидоринского прошлого лучше всего может дать представление об этом белом вожде.

Звезда Сидорина стала восходить на донском политическом горизонте при Каледине, у которого он состоял начальником штаба. В январе 1918 года Каледин застрелился, убедившись в бесполезности борьбы против большевиков, которые заняли Дон. В период начавшегося затем восстания донцов, весной того же года, Сидорин играл настолько видную роль, что воцарившийся вскоре с помощью немцев Краснов увидел в нем опасного соперника, энергичного, честолюбивого, не брезгающего никакими средствами. Чтобы избежать преследования, для Сидорина и его сторонников ничего другого не оставалось, как перекочевать в Екатеринодар, под крылышко Доброволии, тогда еще довольно слабой, но уже определенно реакционной и ненавидевшей самостийный Дон с его демократическим устройством. Краснов пугал ревнителей «национальной» России. Им уже мерещилось, что он со своими казаками дойдет до Москвы, восстановит без них царскую власть и перехватит у них лавры Минина и Пожарского вместе с первенствующей ролью в государстве. Поэтому в Екатеринодаре, где тогда находилась преданная Антанте ставка Деникина, всячески интриговали против германофила Краснова, державшего писать письма кайзеру как равный к равному, и стремились, где только можно, подставлять ему ножку. Беглые враги атамана принимались с распростертыми объятиями. Сидорин и его клеветы, ген. П. Х. Попов, Э. Семилетов и полк. Гуцин, нашли в Екатеринодаре приют и ласку и получили полную возможность путем устной и печатной агитации ратовать против донского конституционного самодержца.

Когда в начале 1919 года дела Дона настолько пошатнулись, что красные войска стояли чуть не под самым Новочеркасском, донское

казачество волей-неволей должно было обратиться за помощью к Добрармии. Пребывание высокомерного германофила Краснова на атаманском посту стало неудобным. В феврале он и его ставленник, командующий донской армией ген. С. В. Денисов, подали в отставку и укатили в Берлин, оппозиция же возвратилась на Дон. Однако, во главе войска Донского, по настоянию Деникина, стал ничтожный и безвольный Богаевский, а не демократ и казакоман Сидорин, получивший только командование Донской армией.

В то время, как бывший «свиты его величества» ген. Богаевский наполнял свой досуг приемами deputаций, участием в торжествах или чинопроизводством, Сидорин руководил реальной силой Дона—армией—и в период летних успехов 1919 года приобрел не малый удельный вес. Атаман стал завидовать своему товарищу и, как год тому назад Краснов, побаиваться его честолюбия. Почувствовав, что из Новочеркасска повеяло холодом, Сидорин начал оглядываться назад. Он не так страшился врага с севера, как врага с юга. Его тайный агент капитан Бедин зорко следил в Новочеркасске за настроением «сфер».

С войсковым кругом,—«хузяевами» земли донской, как их иронически называли черносотенцы, Сидорин умел ладить. Этот круг, сборище старых вахмистров, станичных атаманов и, в лучшем случае, «химических» офицеров, полных невежд и в грамоте, и в политике, привыкших повиноваться не рассуждая старшему в чине, слепо шел за небольшой группой вожakov-интеллигентов казакоманского направления. Из этих последних никто не мог точно формулировать своей политической программы, но каждый считал себя по меньшей мере Милюковым, если не Бисмарком. Сидорина эта либеральная группа донских законодателей весьма ценила, как человека своего мирозерцания, даже не взирая на то, что для него ничего не стоило приказать силою освободить из тюрьмы донского богача Воронкова, арестованного в Ростове за спекуляцию, к которой был причастен и сам командарм, или разорвать дознание о преступлениях начальника авточасти полк. Мержанова, своего родственника, и потребовать производства его в генералы, вместо отдачи под суд. Такие поступки доказывали, что демократический генерал не очень почтительно относится к закону, ставя его в ничто по сравнению с силой. Однако донские законодатели на такие пустяки не обращали внимания.

В период отступления, начавшегося зимою 1919 года, когда собственно деникинские армии растаяли, как кусок льда, донская армия играла первенствующую роль, сдерживая напор Буденного со стороны Царицына. Значение Сидорина возросло. Доброволия, некогда лелеявшая его, как врага самовластного Краснова, теперь тоже возненавидела его за высокомерие и будучи не в силах мириться с его могуществом, хотя бы минутным. Старая злоба на донское казачество, подогретая теперь счетами с Сидориным, вызвала оставление

на произвол судьбы донской армии в Новороссийске. Весьма близкий к Деникину ген. Кутепов, другой величайший честолюбец, не мог простить Сидорину того, что в период февральских боев на Кубани, ему, командиру красы и гордости белого стана—«цветного»¹ корпуса,—пришлось подчиниться донскому командарму.

Мелкие, мстительные люди свели счеты, и в результате от стотысячной донской армии в Крым не прибыло и десятой доли. То, чего не могли сделать красные, с успехом выполнила генеральская вражда, взаимные интриги этих маленьких подражателей великому Наполеону.

В крошечном Крыму Сидорину, человеку с замашками феодального сеньора, было нечего делать. Маленький полуостров мог служить уделом только одному властелину, какой вскоре нашелся в лице Врангеля.

Помощником донского командарма, начальником его штаба, являлся генерал-лейтенант Анатолий Киприанович Кельчевский, человек совершенно другого типа. В противоположность тридцатипятилетнему Сидорину он был уже в весьма почтенных летах. Кабинетный работник, профессор Академии Генерального Штаба, он избегал политики, опасаясь, что она засосет его, как тина. Избранный, без особого на то желанья, военным министром объединенного южно-русского правительства (в феврале 1920 г.), он не спешил занять свой пост и благополучно просидел в сидоринском поезде до того момента, когда уже ни о каком управлении не могло быть речи.

Бес честолюбия также не грыз старика. Когда Мамонтов вернулся из своего знаменитого рейда, стратегический план которого разработал Кельчевский, атаман обратился к последнему с вопросом:

— А какую награду хотели бы вы себе, Анатолий Киприанович? Не произвести ли вас в полные генералы?

— Эх, Африкан Петрович, если бы вы могли произвести меня в подпоручики с возвращением мне прежних лет,—с обычной шутливостью ответил Кельчевский, уже давно переставший ценить всякие отличия.

Не казак по происхождению, он мало интересовался политической жизнью Дона. Если где-либо требовалось его активное участие, он действовал под влиянием Сидорина. Близость к последнему и послужила главной причиной того, что мстительный Врангель, сводя счеты с Сидориным, усадил и его на скамью подсудимых вместе с донским командармом.

В гражданскую войну почти при каждом большом белом вожде состояла так называемая «лавочка». Это ходячее слово в белом стане приобрело довольно специфическое содержание.

«Лавочка»—это совокупность близких к вождю людей, связанных с ним дружбою, кутежами, тесными материальными интересами, а

¹ Цветными войсками звали Корниловский, Марковский, Дроздовский и Алексеевский полки за их цветные фуражки.

подчас и преступлениями. «Лавочка» доставляла вождю развлечения, оберегала его в пьяном виде, составляла его свиту при торжествах, рекламировала его в прессе, обдывала всякие его денежные делишки, добывая темные суммы для вольготной жизни патрона и не забывая при этом свой карман. Патрон, в свою очередь, заботился об этой теплой компании, повышал в чинах, покрывал, пользуясь своей властью, ее грешки, иногда избавлял от заслуженной судебной кары, давал возможность поднажиться и т. д. Эту своеобразную камарилью, состоявшую, большей частью, из людей молодых, с ничтожным служебным положением, ненавидела не только строевщина, но и высшие начальники, которым зазнавшиеся опричники не оказывали почтения. В случае падения вождя, разумеется, удирали вслед за ним вся лавочка и делила с ним судьбу, если не попадала под суд. Ген. Покровский в эмиграции образовал из своей «лавочки» преступную шайку, занимавшуюся убийствами.

Сидорина тоже окружала «лавочка». В состав этого своеобразного организма входил человек со светлой головой, недурной журналист, довольно грамотный политически, но по молодости лет чванный и горячий. Это был двадцати-трехлетний войсковой старшина Александр Михайлович Агеев¹, тот самый, который спустя 2 года одним из первых в эмиграции водрузил знамя бунта против Врангеля, замышлявшего новые авантюры, и пал жертвою своего стремления увлечь казачьи массы в Советскую Россию. В период гражданской войны таланты Агеева, занимавшего официально должность адъютанта командарма, уходили на мелкие дела. Он, между прочим, рекламировал Сидорина в прессе, именуя его, в пику атаману, «вождем казачества».

Эту рекламную работу разделял с ним бывший стенографист Государственной Думы Григорий Николаевич Раковский, корреспондент при штабе армии. Наблюдая фронтовую жизнь из окна сидоринского поезда, в котором раз'езжала только «лавочка», он нередко описывал сражения, которые не происходили, и подвиги, которые не совершались. События он так привык расценивать с точки зрения официальных версий, что и впоследствии за границей, перейдя в услужение к пражским эс-эрам во главе с Черновым, не избавился от этого порока.

Другим адъютантом ген. Сидорина был некий хорунжий Миша Хотин, кубанец, неведомыми путями попавший в донскую армию. Он состоял *maitre d'hotel'em* сидоринского поезда. Иногда в нем пробуждался боевой пыл, и он совершал оригинальные подвиги. Так, 11 марта 1920 г., на Кубани, во время нападения зеленых на станцию Абинскую, когда сидоринский поезд уже трогался, этот вояка бросился на пути и, ловко поймав за хвост поросенка, вскочил с ним

¹ Родной брат видного члена круга П. М. Агеева, который в южно-русском правительстве занял пост министра земледелия.

в вагон уже на самом ходу. За обедом этот трофей был торжественно съеден.

Выше упоминалось о капитане Бедине. Это была крайне темная личность, служившая Сидорину, смотря по надобности, то денщиком, то контр-разведчиком. В течение всей гражданской войны, до самой новороссийской катастрофы, в Донском военном суде и у военных следователей лежало немало дел о художествах этого господина. По одному он обвинялся в присвоении не принадлежащего ему офицерского чина, по другому в вымогательствах, по третьему в большевизме и т. д. Все эти дела не двигались ни на шаг вперед за «неизвестностью местонахождения» обвиняемого.

Второстепенную роль в этой среде играл главный врач армии Вершинин и начальник авиочасти ген. Стрельников. Первый, совершенно спившийся старик, нужен был для выписывания по рецептам общеизвестного лекарства *spiritum vini*, которое потреблялось «больными» сидоринского поезда в значительном количестве. Хорунжий Хотин в Крыму долго волновался из-за того, что в Новороссийске «лавочке» пришлось бросить 16 ведер этого лекарства.

Стрельников слыл за сидоринского «извозчика», так как командарм только одному ему доверялся в своих постоянных полетах по фронту на аэроплане.

Политической частью, т.-е. информационно-агитационной, ведал сотник граф Дю-Шайла, человек с крайне пестрым прошлым. Воспитанник иезуитской коллегии, он затем перешел в Санкт-Петербургскую духовную Академию (православную). Далее—член кружка графини Игнатьевой, затем эс-эр и наконец казакоман.

12 марта 1920 г., когда сидоринский поезд стоял в 20 вер. от г. Новороссийска, на ст. Туннельной, Дю-Шайла подал Сидорину доклад, озаглавленный «Пути казачества», в котором писалось:—«В Советской России сейчас идет усиленная работа эс-эров, центр которых находится в Тифлисе (sic), по созданию внутреннего взрыва. Казачество, как земледельческий класс, в борьбе против большевиков не может идти рука об руку с Добровольческой армией, руководимой представителями помещичьей России, и проливать кровь в гражданской войне, выгодной только для монархистов и большевиков. Только совместная работа с эс-эрами способна удовлетворить справедливые казачьи домогательства об автономии своих областей и об устройстве своей жизни по прадедовским заветам».

В Крыму Дю-Шайла за этот доклад едва не поплатился жизнью. В Туннельной же Сидорин не обратил внимания на эту политическую программу, так как в тот момент пути казачества определяла одна только Красная армия, гнавшая его по пятам.

По водворении штаба донской армии в Евпатории Дю-Шайла, редактируя «Донской Вестник», отчасти начал развивать в газете свою эс-эровскую программу, мешая ее с казачьими фантазмагориями. Строго говоря, боевые места этой газеты, так перепугавшие Бориса

Ратимова, были старой песней на новый лад. Казачьи политические деятели левого толка всегда немного эс-эрили. Только теперь, в виду всеобщего разочарования в вооруженной борьбе с большевиками, к этим перегудкам начали внимательно прислушиваться. Черпая в них убеждение в правоте своего примиренческого настроения, казаки, однако, менее всего собирались сменить белогвардейскую маску на эс-эровскую. Из статей «Донского Вестника» казачья могла понять только одно: воевать больше не нужно; что и штаб армии смотрит на это точно также.

Но штаб армии в это время менее всего занимался глубоко-мысленными рассуждениями. Пока Дю-Шайла пугал евпаторийских осважников, донское командование почивало на незаслуженных лаврах. В «Дюльбере» царило веселье; «лавочка», как бы предчувствуя свой близкий конец, отплясывала танец смерти. В эти дни трудно было добиться приема у командарма даже по наиболее серьезным делам. Я иногда до двух часов дня ждал его пробуждения и уходил, не солоно хлебавши, от дверей олимпийцев.

Верхи явно впали в прострацию. Низы не хотели воевать. Никто не знал, что ждет остатки донской армии. В обновление ее надломленного организма трудно верилось, полной же его смерти многие боялись.

Врангель разрешил все эти сомнения.

IV.

Генерал Врангель.

Удрученный проигрышем гражданской войны, ген. Деникин 22-го марта созвал на совещание высших военных начальников, объявил им о своем бесповоротном решении уйти в отставку и предложил им выбрать нового Главнокомандующего.

Никто против смены вождя не возражал, но все отказывались от выборов, считая, что в военной среде принцип выборности неуместен.

После некоторого размышления Деникин назначил своим преемником генерал-лейтенанта барона Петра Николаевича Врангеля и, благословив свои войска на новый путь, уехал за границу вместе с начальником своего штаба ген. Романовским, которого в Константинополе поразила рука неведомого убийцы. Сам же отставной Главком благополучно добрался до Англии. В белом стане долгое время передавалась из уст в уста легенда о том, что английский король за его верную службу великобританским интересам пожаловал его титулом лорда.

Политическая роль Деникина кончилась. Для остатков южно-русских белых армий настала новая эра.

Это была демоверсия книги - Калинин И.М. Под знаменем Врангеля: заметки бывшего военного прокурора

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34